

УДК 821.16

Д.В. Филипчук, М.Ф. Ершов

Образы очеловеченного пространства в русской литературе середины XX в.

Аннотация. В статье на примере произведений художественной литературы анализируется отображение сдвигов в общественном сознании людей советской эпохи. Отмечается переход от эсхатологических ожиданий, которыми проникнуты рассказ А. Толстого «Гадюка» и роман И. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные», к нарастанию способности сопротивления жестоким тоталитарным условиям как сплоченного коллектива (А. Крон «Дом и корабль»), так и отдельной личности (Ю. Слепухин «Южный крест»).

Ключевые слова: литература, личность, образ, пространство, тоталитаризм, эмиграция.

D.V. Philipchuk, M.F. Ershov

Images of humanized space in Russian literature of the mid-XXth century

Summary. The article analyzes the shifts in public conscience of the people of the Soviet era by the example of works of fiction. There is a transition from eschatological expectations by the spirit of which the story of A. Tolstoy “Viper” and the novel of I. Golovkina (Rimsky-Korsakova) “Conquered” are permeated, to the growth of ability to resist against the cruel totalitarian conditions of consolidated group (A. Kron “House and ship”) and individual (U. Slepukhin “Southern Cross”).

Keywords: literature, personality, image, space, totalitarianism, emigration.

Вопрос о смысле человеческого существования напрямую связан с той средой, которая окружает человека. Данная проблема всегда имеет тенденцию к обострению в переломные исторические эпохи. Мы заброшены в мир, который нас окружает и должны определиться, как его оценивать. Цель настоящей публикации заключается в предварительном анализе тех образов очеловеченного пространства, которые возникли и эволюционировали после 1917 года. Историческими источниками при этом выступают художественные произведения, в которых и воссозданы образы прошлого, тот аромат ушедшей эпохи, который с каждым годом все труднее улавливать.

В этом отношении весьма характерны оценки первых лет Советской власти. Они были разные, но все эмоциональные: от однозначно положительных до резко отрицательных. Равнодушных здесь не было. Неприспособленность к новым условиям существования была характерна и для радикально настроенных

большевиков и для их не менее радикально настроенных противников. Психологически первым приходилось, пожалуй, тяжелее, чем последним. Революцию ждали, к ней стремились. Но те идеологические скачки, которые она с собой принесла, оказались неожиданными.

Рассказ Алексея Толстого «Гадюка» и роман Ирины Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные» написаны и опубликованы в разные годы. Оба произведения показывают отношение своих героев к окружающим их событиям с совершенно противоположных позиций. Но есть и нечто общее, что их объединяет. Это общее – почти осязаемое чуждое пространство, которое окружает главных персонажей.

В первом произведении речь идет о девушке из интеллигентной семьи, так называемых «буржуев». Во втором – показаны судьбы людей из петербургской аристократической интеллигенции, которые были сметены револю-

цией. Алексей Толстой в присущей ему манере описывает страдания героини, ищущей свое место в новой жизни. Повесть рассказывает о трех этапах жизни Ольги Вячеславовны Зотовой.

На первом этапе она, будучи подростком, жила в Казани, в семье купца второй гильдии, старообрядца Зотова. После различных перипетий она оказывается на стороне красных. Здесь начался второй этап. Ольга влюбилась в красного командира Емельянова, который заботливо ухаживал за ней в госпитале, и пошла за ним на войну. Она была зачислена бойцом кавалерийского эскадрона в его полк в должности вестового. Во время рейда по врангелевским тылам героически погиб Емельянов, Ольга первой бросилась в атаку и была тяжело ранена. Выйдя из лазарета, снова пошла воевать, скиталась по всей стране, пока война не кончилась. «За женщину ее мало кто признавал, была уж очень тоща и зла, как гадюка».

После окончания войны начался третий этап – Ольга стала «писчебумажной барышней» в разных учреждениях. «В двадцать два года нужно было начинать третью жизнь». Трагедией обернулась для героини ее любовь. Директор Махорочного треста резко отверг ее из-за клеветы завистников и женился на Лялечке. Та, возмущенная интересом Ольги к ее новому мужу, пришла скандалить и показала свидетельство из ЗАГСа. Ольга не выдержала и схватилась за револьвер. «Из горла вырвался вопль... Ольга Вячеславовна выстрелила и – продолжала стрелять в это белое, заматавшееся перед ней лицо...» [1, 284–318].

Развязка повести почти закономерна. Все годы Ольга Вячеславовна шла к этой трагедии. Сложная жизнь не представила ей возможности для полноценной самореализации. Некому было оценить ее душевную и телесную чистоту ни в заключении, ни среди красноармейских бойцов, ни тем более в коммуналке, где она считалась нелюдимою и странной. Из вихрей гражданской войны она вынесла только потери. Гигантские масштабы войны и несопоставимый с ними замкнутый пошлый мещанский мирок!

Оценивая происходящее вокруг с позиций революционного времени, Ольга Вячеславов-

на осталась одинокой в период «буржуазного» НЭПа. И это одиночество, и неприязнь всех вокруг довели-таки ее «до ручки» – до роковой ошибки, в которой выразилась вся боль, все эмоции, которые она, хрупкая нежная девушка, должна была сдерживать столько лет. В решающий час она не находит лучшего способа решить свои проблемы в отношениях с чуждым ей миром, как при помощи оружия.

Она столько раз разрешала с его помощью все проблемы в годы лихолетья гражданской войны. И сейчас револьвер – единственный, проверенный товарищ. Ольга Вячеславовна все эти годы была на войне. Оказалось, что окружающее героиню пространство сузилось до револьверного калибра. Спустя десятилетия подобное отношение к окружающей действительности назовут «вьетнамским», «афганским», «чеченским» синдромом.

Социальное пространство, описанное в романе Ирины Головкиной, также враждебно к человеку. Это рассказ о жизни семьи «бывших». Они цепляются за осколки прошлого, но не могут вписаться в новую советскую действительность. В бывшей столице Российской империи господствуют хамы и невозможно жить. Надо сказать, что большинство положительных персонажей романа представлено схематично. Они не могут расстаться с прежними привычками. Они способны на благородный поступок, но их нельзя назвать активными. Герои страдают и – только [2].

Логика их поведения, как и судьбы, легко предсказуема. Они действительно – «Побежденные». И в то же время это их «Лебединая песнь». Старая Россия уходит, не способная противостоять напору хамов. Не случайно, что почти все герои романа умирают насильственной смертью. Они не могут объяснить причины свалившегося на них несчастья. Как жить и как укрыться от реалий нового вездесущего государства, им неведомо. Их пространство неумолимо съеживается и трансформируется от столичных улиц до лагерных бараков. Не случайно первоначально роман так и назывался – «Лебединая песнь», как последний загухающий голос уходящей эпохи...

От себя заметим – выбранный героями И. Головкиной путь оказался тупиковым.

Большинство людей, ради сохранения себя и близких, избрало иную логику поведения. Тогда господствовала позиция умолчания. Молчали о прошлом, о религии, воздерживались от оценки власти и политических событий. Это пассивное сопротивление, с одной стороны, расчищало дорогу тоталитаризму, а с другой – давало возможность копить силы для будущего. Помимо молчания требовалось и то, что гениально сформулировал молодой А. Фадеев в «Разгроме» – жить и выполнять свои обязанности.

Только так, без рефлексии и стенания, общество могло двигаться дальше. Как в советской действительности в дальнейшем вызревали ростки нового сознания, хорошо отображено в двух романах писателей Александра Крона и Юрия Слепухина. Два писателя. Две судьбы, похожие и не похожие одновременно. А итогом творчества – пронзительные своей обыденной простотой, лишённые всякой эффектной героики, произведения. Простота завораживает и в то же время пугает. Для советского читателя и Крон, и Слепухин одинаково загадочны. Неожиданны сюжеты. Неожиданны образы персонажей, выведенные писателями.

Имя писателя Александра Крона (1909–1983 гг.) стало известно в театральных кругах еще в довоенные годы. Успешный драматург, чьи пьесы с успехом шли на лучших театральных сценах Советского Союза. А за плечами – тяжелая судьба, лакмусовой бумажкой проявившая всю историю страны Советов. Саше не было и пяти лет, как разразилась Первая мировая война, нарушившая привычный ход жизни. Потом одна за другой случились две революции, вспыхнула гражданская война, началось всероссийское брожение. Судьбы людские перемалывались, как зерно на большой мельнице.

Выходец из благополучной семьи, сын композитора, что уже не предвещало каких-либо осложнений в судьбе, Александр во время гражданской войны попал в исправительно-трудовую колонию, где вместе с такими же бывшими беспризорниками получил специальность. Время было трудное, но Александр нашел в себе силы преодолеть все невзгоды. В 18 лет он стал студентом историко-фило-

софского факультета МГУ, а спустя два года в числе 60 своих однокурсников по университету был отправлен в летние военные лагеря.

На этих сборах Александр встретил таких же, как он, бывших беспризорников, которым предстояло круто изменить свою жизнь, окончив с вольницей, стать вооружёнными защитниками Родины. Это перестройка, вернее, слом старой жизни, происходила, что называется, с потом и кровью. И этот конфликт стал центральным в той пьесе, которую задумал написать Крон: за двадцать дней написана пьеса «Винтовка № 492116», посвященная детской беспризорности во время гражданской войны. Пьеса была поставлена в Ленинградском театре. Премьера прошла «на ура».

Во время Великой Отечественной войны Крон служит на флоте, вместе с боевыми товарищами защищает Ленинград, одновременно работает для военной печати. С тех пор тема морской службы становится главной в творчестве Крона – драматурга. Одно за другим из-под его пера выходят произведения, посвященные защитникам блокадного города. В них Крон не просто занимается бытописанием, но стремится понять суть происходящего с героями. Его пьесы – сплав социальных и нравственно-психологических проблем. По сути, в них нет второстепенных героев. Конфликты, на фоне которых разворачиваются события, обострены до предела, поражая своей полемичностью. У каждого из героев своя правда жизни.

Позже он так объяснит этот поворот в своем творчестве: «До войны я был далек от журналистики. Несколько театральных рецензий, опубликованных в предвоенные годы, – не в счет. Война заставила меня пройти ускоренный курс газетных наук. Много раз я проклинал редакционную текучку, мешавшую мне остановиться и подумать. А вернувшись с войны, уже не мог расстаться с публицистикой, она прочно вошла в мой обиход и стала душевно необходима... Я никогда не верил в плодотворность пассивных наблюдений, только активное вмешательство в жизнь создает литератору жизненную позицию...» [3].

Одно из центральных мест в творчестве Крона занимает роман «Дом и корабль». Место

действия – блокадный Ленинград. Герои этого произведения – моряки-подводники. Но основное действие происходит на берегу. Здесь практически не видно моря, нет описания подвигов, нет портретов оккупантов, все буднично, даже слишком. «Торпедный залп готовится на берегу», – утверждает командир подлодки. В сущности А. Крон моделирует замкнутое пространство, подобно авторам множества детективных сюжетов. Но здесь нет и детективной интриги. Наверное, роман достаточно легко поставить на театральной сцене, ведь здесь много разговоров и мало перемещений. Двигаться героям романа физически некуда. Они взаперти.

Автор не только не скрывает данного обстоятельства, наоборот, он артикулирует его в разговорах своих героев. Замкнутый на пограничный замок Советский Союз, да еще в годы Великой войны. Замкнутый осажденный город – блокадный Ленинград. Советские вооруженные силы в блокадном городе, причем представленные самым закрытым (точнее – «затопленным») их сегментом – технически сложными «штучными» подводными лодками. Простора в регулярных улицах, заложенных еще Петром Великим, нет абсолютно.

В таких условиях человек, вроде бы, должен превратиться в строго функциональную часть. Механизма подлодки или механизма жестко заданной социальной системы, не важно. Кислородное голодание от узости объемов ощущается почти физически – достаточно вспомнить фразу истерзанного на дыбе А.В. Кикина, брошенную Петру Первому: «Ум простор любит, а у тебя ему тесно» [4, 42].

Но чувства человека не задаются только физическими параметрами. Недемократичная и замкнутая социальная система – подводная лодка – состоит не только из механизмов, но и в первую очередь из людей. Есть внешний антураж, но есть и нечто иное, глубинное. Достаточно привести еще одну знаменитую фразу, на этот раз – Иисуса Христа: «царство Божие внутри нас». Возникающие аллюзии с христианством далеко не случайны. Роман, обычно опосредованно, а иногда и прямо апеллирует к христианским ценностям. И, напротив, в произведении активно отрицаются антигуманные

нормы, как нацистские, так и сталинские. Далеко не случайно, что один из персонажей вспоминает идеолога нацизма А. Розенберга и – осуждает его и свою прежнюю позицию.

Для героев романа характерна исповедальность. Они вообще много говорят. Но это не пустые разговоры. Их дискурс максимально результативен. Жизнь и поступки подтверждают искренность произнесенных слов. Моряки лишены женщин. Таким образом, экипаж подводной лодки чем-то напоминает монастырь. Стоит ли акцентировать внимание, что блокадникам было вовсе не надобно укрощать свою плоть? Ведь за них это решение приняли немцы. Голод присутствует в романе как некая данность.

И, опять же, дело не в голоде и не столько в голоде. Проблема состоит в том, как быть и остаться человеком. Среди действующих персонажей не все понимают это отчетливо. Есть первые (командир лодки), но есть и «последние». Однако и для них не заказан путь к обретению совершенства. Есть оступающие люди, есть почти библейская блудница. Как и в Евангелие, она в нравственном отношении превосходит отрицательных персонажей.

Интересна фигура главного героя Дмитрия Туровцева. Он на выучке у жесткого командира подлодки. Дмитрий далеко не идеален, вплоть до (ирония тавтологии!) плотского грехопадения. За его душу идет борьба. И он чем-то напоминает одного из первых апостолов: то ли Петра, то ли Иоанна. И он оказывается способен к подвигам: военным и даже нравственным, когда не побоялся защитить перед страшными «органами» попавшего в беду товарища.

Уставное существование у героев скрашивается юмором и игровыми моментами. Шутливое посвящение в «гуроны» отсылает их – и нас, читателей! – к ранее прочитанным детским книгам. Возникает своеобразное наложение романтики профессии на романтику книжной жизни. Оно создает эффект «расширения» пространства, условной независимости от нечеловеческих блокадных обстоятельств.

На глазах у читателя происходит возмужание обычного «тоталитарного» человека, становление нового характера. Вроде бы – обычная ситуация, описанная во многих про-

изведениях не только русской, но и мировой литературы. Все это так, если бы не обстоятельства, при которых эти изменения в человеке происходят. Весь роман – не просто история молодого человека. Он – о том, как приходят к подвигу, какой ценой дается человеку свобода выбора. Не поступков только, а нравственного содержания жизни. О том, как укрепляется, делается значительной личность, когда добровольно взваливает на себя бремя ответственности – не только за себя – за дело, за товарищей, каково это научиться думать.

Символично название романа. Для лейтенанта Туровцева его подводная лодка, вмержшая в невский лед, не просто корабль. Это его дом, со своим характером, с особыми правилами взаимоотношений между людьми, оказавшимися в замкнутом пространстве. Молодому лейтенанту есть с чем сравнивать.

В старом питерском доме, с его холодным, голодным, но четко организованным бытом, живут старые питерцы, представители интеллигенции. И именно эти обычные жильцы, казалось бы, совершенно неприспособленные к тяжелым условиям осажденного, но не сломленного города, находят в себе силы, объединившись, бросить вызов смертельным трудностям. Это единение разных людей сродни экипажу корабля, идущему через мрак и голод к прорыву блокады.

Здесь также господствуют потребности, близкие к экипажу корабля – дому Туровцева: заботиться о других и находить силы для этой заботы. Оказалось, что быт и бытие сошлись в тех условиях, когда ведро воды, коптилка, очередь за хлебом – все требовало невероятных усилий. Все стало проблемой для измученного, ослабевшего человека. Люди стали смотреть, и оглядываться, и видеть. Среди горя, любви, подвигов самопожертвования и долга видится и другое, значимое.

Происходила поляризация. Хорошее выявлялось, обнажалось в своей красоте, плохое – во всей безобразности. Тут было разное: и мародерство, и спекуляция. Кто-то наживался на голоде. Воровали продукты, выменивали на золото, на драгоценности, меха – всякое было в многомиллионном городе.

И все же эти люди блокаду выдержали, они переносили ее из дня в день, сохраняя человеческое достоинство. Они не только голодали, не только умирали. Не только преодолевали страдания – они еще и действовали. Они работали, помогали воевать, они спасали, обслуживали других, кто-то снабжал ленинградцев топливом, кто-то собирал детей, организовывал больницы, стационары, обеспечивал работу заводов и фабрик. Каждая судьба из переживших блокаду – типична и уникальна. Были голод, холод, обстрелы, лишения, смерти и, следовательно, душевные проблемы, порождаемые страданиями, и тут же присутствовали активность людей, их борьба, несмотря ни на что.

«Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их, и ненависть их, ревность их уже исчезли, и нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем» – написано в «Блокадной книге» [5]. Безжалостные библейские слова. Они не оставляют утешения. Они, как ни странно, как бы уводят от веры, от надежды на вечность человеческой души. Но так ли бесспорна их суровость?

Во главу угла в своем романе А. Крон ставит, прежде всего, этические проблемы. Вне зависимости, какие задачи поставлены перед героями. Впоследствии он напишет: «В романе почти нет батальных сцен, но мне все же кажется, что «Дом и корабль» – роман о воинском подвиге. Точнее – о воспитании для подвига. Когда человек становится героем? Мы можем назвать день и даже час совершения подвига. Казалось бы, что может быть проще такого ответа. Но если вдуматься, механизм любого подвига совсем не прост, героем не делаются в пять минут. Самый подвиг может длиться секунды, но он непременно подготовлен всей жизнью» [3].

Тема становления личности героя, внутренней подготовки к подвигу тесно переплетена с поисками духовности, сопровождающими персонажей романа на всем протяжении повествования. Воспитание примером, олицетворением которого выступают жители замерзающего дома, невольно меняет представление

героя о масштабе личности, заявляет о праве на нравственный авторитет.

Драматизм замкнутого пространства, будь то блокадный город или поставленная на аварийный ремонт подлодка, усугубленный стремлением власти, незримо присутствующей рядом, к тотальному контролю над личностью, оставляет героям Крона маленькую лазейку из этого мира духовной несвободы – способность самостоятельно мыслить. Отлично сформулировал эту непростую мысль полтора века назад М.С. Лунин: «Народ мыслит, несмотря на глубокое молчание. Миллионы издерживают на то, чтобы подслушать мысли, которые запрещают ему выразить» [6, 157].

И еще один символ. Начало и конец романа – рассказ о подвиге подводной лодки. И если этот документальный рассказ – свидетельство подвига экипажа подводного корабля, каждый член которого выполнил свой долг до конца, защищая эту небольшую «часть территории Советского Союза», то повествование романа ясно раскрывает перед читателем атмосферу, порождающую этот подвиг, показывает путь героев кроновского повествования к самопожертвованию.

Рискнем утверждать, что этих людей нельзя назвать ни рабами, ни жертвами тоталитарного общества. Выиграть войну и не согнуться способны только свободные люди, пусть и живущие в условиях несвободного общества. В этом нравственный стержень героев романа А. Крона.

Юрий Слепухин переносит своих героев, а вместе с ними – и своего читателя, в совершенно иные, нежели у А. Крона, условия и жизненные обстоятельства. Его главный герой – эмигрант. В отечественной литературе второй половины XX века почти не нашлось места правдивому описанию жизни русской эмиграции, точнее, той ее части, которая оказалась вдали от родины после Второй мировой войны.

Отношение к эмиграции «второй волны», даже на фоне отчуждения и неприятия в основной массе первой эмиграции, было резко отрицательное. Для большинства советских людей все, кто вышел за пределы «железного занавеса» после окончания войны с фашиз-

мом, – изменники, явные и тайные пособники врага. Вне зависимости от того, кто враг – гитлеровцы или американцы. Мир, победивший фашизм, снова источал злобу и ненависть, разделившись на враждебные лагеря. В мертвящем дыхании холодной войны выразила себя в литературе вторая волна русской эмиграции.

К ней принадлежали прежде всего те, кто был обижен советской властью. Из разных социальных слоев: так называемые кулаки и подкулачники, выходцы из дворянского, купеческого сословий, зажиточные мещане. Сюда можно причислить и так называемых «повторных эмигрантов», которые по мере продвижения Красной армии покидали китайские Харбин и Шанхай, ставшие родными Балканы, Чехословакию, Францию и выплеснулись в широком рассеянии – от Австралии до Южной Америки. В самой Германии, в пределах Третьего рейха, к 1945 году находилось несколько миллионов «остарбайтеров» – восточных рабочих, насильно вывезенных из оккупированных территорий Советского Союза, и советских военнопленных.

Отдельно необходимо отметить большое число добровольно служивших в войсках германской армии – казаков, солдат РОА и других антисоветских вооруженных формирований. По окончании войны всех их ждала печальная участь: сдавшись на милость американцам, все они, в нарушение договоренностей, были преданы советской стороне, причем тысячи успели покончить с собой до отправки в Союз. Еще большее число было тут же или позднее расстреляно, а остальные – за единичными исключениями – погибли в лагерях.

После подобных сталинских «профилактических мер» на территории лежащей в разлуке послевоенной Европы оставалась еще огромная масса выметенных войной из своих родных гнезд «Displaced Person» (т.н. «перемещенных лиц»), откуда произошло ставшее потом привычным для русского уха сокращение «Ди-Пи». Спустя полтора года после окончания войны их насчитывалось свыше полутора миллионов. Из них советских граждан насчитывалось около трехсот тысяч. Все же за «железным занавесом», как утверждают исследователи, оказалось свыше миллиона

человек. Они-то и составили основную массу «второй волны».

Одним из «Ди-Пи» оказался и будущий русский писатель Юрий Григорьевич Слепухин (1926–1998 гг.) Его невозможно отнести к писателям русской эмиграции. Как писатель он состоялся уже после возвращения. Опыт жизни на чужбине у Слепухина – пятнадцать лет. Но каких лет: четыре года – в условиях фашистской каторги, мытарства скитаний по Бельгии, переезд в Аргентину. А затем – неожиданное для большинства эмигрантов, в основной массе непонятое очень многими – проклинаемое, возвращение в СССР.

История Ю. Слепухина – «Ди-Пи» – эмигранта – типична для тысяч наших соотечественников, история Ю. Слепухина – возвращенца уникальна. В 1942 г. вместе с семьей был угнан на принудительные работы в Германию. После окончания Второй мировой войны, здраво опасаясь репрессий в случае возвращения в СССР, получил статус перемещенного лица, сменив фамилию на принадлежавшую бабке по отцу, жил в Бельгии, затем в Аргентине.

Работал строителем, механиком, электриком, художником-оформителем, сотрудничал в качестве журналиста в буэнос-айресской русскоязычной и испаноязычной прессе, там же начал пробовать себя как писатель. Занимался политической деятельностью – был в руководстве южно-американского отдела Народно-трудового союза, одного из крупнейших в этой известной антисоветской организации. Благодаря этому имел возможность не «со стороны», а «изнутри» наблюдать жизнь политической эмиграции. Со многими был дружен. По словам И. Андрушкевича, главного редактора эмигрантской «Кадетской переключки», он «был настоящим русским человеком, хотя часто максималистом» [7].

В Аргентине на основе юношеских воспоминаний Слепухин начал писать роман (вначале на испанском языке). Роман вылился после его возвращения на Родину до тетралогии. В нее вошли романы «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (опубликован в 1968), «Сладостно и почетно» и «Ничего, кроме надежды»

(журнальный вариант под названием «Час мужества» опубликован в 1991).

Собственно говоря, уникальность творчества Слепухина заключается в том, что литературы как художественного феномена поколение «Ди-Пи» не создало. Причина легко объяснима. От любого, кто осмеливался затрагивать в своем творчестве эту «неудобную» эмигрантскую тему, требовалось немалое мужество. С одной стороны, не скатиться до карикатурного изображения эмигрантской действительности, с другой – донести до читателя трагедию изгнания.

Все литераторы, независимо от места проживания, будь то Австралия, или Южная Америка, постоянно чувствовали «руку Москвы», недаром многие из писателей «второй волны» переменили свои фамилии: Марченко стал Николаем Нароковым, Филистинский – Борисом Филипповым, Матвеев – Иваном Елагиным, Д.Я. Персидский – Д. Каневским. Не избежал подобной участи и Кочетков, ставший Слепухиным. Большинство из них несло в себе страшный «совковый» опыт, не ведомый писателям первой эмиграции, в том числе и давние идеологические шаблоны, которыми оказались пропитаны их души.

Утвержденный к началу тридцатых годов «социалистический реализм» был, прежде всего, скрытой формой запрещения реализма критического с его беспощадностью к несправедливости и его традиционным человеколюбием. Огромный перечень тем и раскрытий, охватывающий самые разнообразные области человеческой жизни и выражения человеческого духа, оказался «табу» для советских писателей 1930–1940 годов, и нарушить это табу значило бы выступить против единственно допустимой и обязательной в СССР идеологии и полицейских норм послушания.

Возникла опасность вседозволенности. На эту опасность указывали многие, писавшие о литературе «Ди-Пи», – «опасность обличительства и отражательства», т.е. соцреализм наоборот. «Там мне затыкали рот – зато здесь я скажу всю правду. Очень хорошо, говори, пожалуйста, правду. Это очень важно. Но как ты ее скажешь? Не лучше ли написать десяток статей в газетах? Ведь правда, которая при

тебе несомненно имеется, огромно велика, и начинать придется с самого начала, со дня твоего рождения и даже раньше – с октябрьской революции» [8].

Несмотря на постоянное искушение скатиться до банальной беллетристики, писатели «второй волны» внесли свежую струю в слабеющую литературу русского зарубежья, широко раздвинув рамки проблематики и насытив ее совершенно новым, малоизвестным дотоле жизненным материалом.

Роман «Южный крест», несомненно, относится к шедеврам русской литературы. Но этим его достоинства не исчерпываются. По нашему мнению, он в некоторой мере обладает и ценностью исторического источника. Данное произведение позволяет нам почувствовать и прочувствовать метаморфозы отечественного сознания XX века. Всегда интересно знать, как люди думали, как воспринимали значимые исторические события, современниками и участниками, которых они были. Стоит ли доказывать, что исследовать «аромат» ушедшей эпохи не только интересно, но и максимально значимо для дня сегодняшнего?

Как известно, тоталитарное сознание не способно адекватно воспринимать мир. В частности, для человека, носителя тоталитарного сознания, пространство четко разделено на «свое» и «чужое». Если первый компонент общей картины мира должен восприниматься положительно, то второй – только отрицательно. Создается иллюзия простоты. Она диктует особый способ решения социальных проблем, последовательно разделяя социум на наших и ненаших, хороших и плохих. К бесконечной борьбе между ними сводится фактически все историческое развитие. «Кто не с нами, тот против нас» – это не только фраза, которую хотелось бы оставить в прошлом, это афористическое выражение идеологии простого мира. Если в мире нет ничего, кроме не допускающего полутонов, персонифицированного добра и зла, то неизбежны социальные эксперименты, которыми ужаснул XX век. Свидетелями этих экспериментов и стали, вне своей воли, герои произведений Крона и Слепухина.

«Южный крест», как мы об этом уже писали [9, 368], переворачивает привычные ранее

смыслы. Образ капиталистической заграницы почти начисто лишен негатива. Здесь живут обычные люди. Они работают, любят друг друга, решают общественные проблемы. Характерно, что нет никаких наветов на тяжелое материальное положение трудящихся. Неприкаянными в этом благополучном мире оказываются исключительно беженцы (русские первой и второй волны эмиграции; немцы, сторонники национал-социалистической идеологии) либо политики – приверженцы левого или, наоборот, правого радикализма.

Капиталистической обыденности противостоит далекая абсолютно призрачная Россия. Она лишена конкретики. Ее картины расплывчаты и фрагментарны, как воспоминания ушедшего детства. Это какая-то поэтическая заснеженная степь с церквями и стадами коней. Любовь к Родине альтруистична и необъяснима в принципе. Ее любят, по ней тоскуют, но к ней не слишком-то стремятся. Этот образ не нуждается в объективации. Какова реальная жизнь в Советском Союзе русским эмигрантам неведомо. И дело здесь не в наличии пресловутого «железного занавеса», вовсе нет.

Отсутствие подлинного желания вернуться, отсутствие стремления проверить любимый образ на достоверность означает, что человек оказался не способен вырваться из плена прежних психических и культурных иллюзий. Большинство эмигрантов покинули Отечество из-за идеологических предпочтений. И они эти предпочтения продолжают господствовать в душах людей. Миф о России оказывается способом не потерять себя в зарубежной круговерти. Иначе – неизбежна ассимиляция, что хорошо понимает главный герой романа, но не все его собеседники. Поэтому изгнанникам неинтересно настоящее, они по преимуществу живут прошлым. Это прошлое мифологизировано. Оно может быть любого политического окраса: от белого до красного, от нацистского до антифашистского включительно.

Параллели двух пространств: российского и латиноамериканского дополняются двойственностью персонажей. Русский участник французского сопротивления оказывается схож с аргентинским революционером. Безалаберная «резвящаяся» бельгийка и русская

эмигрантка, изменившая мужу, но не предавшая его, близки между собой не грешными поступками (они есть), но наличием той подлинной порядочности, которая не девальвируется повседневностью и обыденностью. Особенно парадоксальным выглядит образ последней, ибо при внимательном наблюдении за поступками и мыслями русской эмигрантки Дуняши невольно возникает мысль об их схожести с судьбой самого Юрия Слепухина.

Иногда образы романа не только дwoятся, но и становятся тройственными, множественными. Перипетии «Южного креста» связывают воедино белогвардейцев, перонистов и нацистов. Неявные аллюзии присутствуют между образами советского дипломата, подлинных патриотов России, антифашистов и участников аргентинского революционного подполья, между нарочитой сексуальностью революционеров, нацистов-эмигрантов и белоэмигрантов. Несомненно также переключки между образами России, Германии, Франции, Аргентины и Парагвая.

Зачем Ю. Слепухину потребовались многократные повторы, переплетения образов романа? Для занимательности сюжета? Для завлечения читателя? Возможно. Но не только. В принципе автор и не скрывает своих намерений. Зашифрованным указанием может служить ироничное описание якобы этнографической экспедиции на территории Парагвая. Ее участники для неприхотливых читателей публикуют очерки о местном колорите. Эти очерки «надерганы» из путеводителей и скрывают подлинную цель экспедиции – смертельно опасное сражение за справедливость, за то, чтобы истина наконец-то восторжествовала.

Этим же занят и Ю. Слепухин. Он, как и его главный герой, также борется за истину, за гуманитарные идеалы, о которых в послевоенное время, увы, многие успели подзабыть. Мир, который описывает талантливый литератор, оказывается множественен, он несводим к черному и белому, к однозначному добру и исключительному злу. За фабулой приключенческого произведения (экзотическая страна, романтические герои и карикатурно страшноватые гитлеровские недобитки) скрывается острополюемическое публицистическое и па-

триотическое произведение. Оно имеет множество смыслов. Оно однозначно антитоталитарно.

Допустимо утверждать, что Ю. Слепухин творил в установленных рамках социалистического реализма. Но при внешней подчиненности архаичным литературным формам он смог наполнить их принципиально новым содержанием. В целом данный роман, как и факт его публикации и переиздания в легальной (!) советской прессе, есть яркое свидетельство распада отечественного тоталитарного сознания.

И Александр Крон, и Юрий Слепухин мастерски решают проблему пространства. На первый взгляд их произведения мало похожи друг на друга. Различны и сюжеты, и место действия. Объединяет их образ Ленинграда. Для лейтенанта Туровцева он реален. Герой ежедневно видит несгибаемый город, соприкасается с его трагедией, имеет возможность физически ощутить его близость. Видя подвиг ленинградцев, Туровцев внутренне жаждет совершить свой подвиг, ратный. С тем, чтобы освободить город, вернуть его жителям нормальную человеческую жизнь.

Для героя Слепухина Ленинград фактически – химера, несбыточная мечта, оставшаяся где-то там, в довоенной, другой жизни. Мечта о возвращении в Ленинград для него не просто самоцель. Не просто способ хоть на время вернуться в страну, которую он вынужден был покинуть не по своей воле. Это вызов системе, необоснованно вычеркнувшей его и сотни тысяч таких, как он, из списков достойных жить на Родине. Можно лишить паспорта. Можно поставить заградительный кордон. Лишить памяти невозможно. Как невозможно заставить человека перестать быть человеком.

В заключение можно утверждать, что предварительно проанализированные нами произведения отображают сдвиги в общественном сознании советской эпохи. Полярные по оценочным суждениям «Гадюка» и «Побежденные» проникнуты эсхатологическими ожиданиями. «Дом и корабль» фиксирует противостояние коллектива жестким тоталитарным условиям (образ замкнутого пространства). «Южный крест» идет много дальше. В нем

способностью к сопротивлению уже обладает отдельная личность, вырвавшаяся из неволи и обретшая свободу. В чем причина появления данных произведений?

Видимо, в незаурядных личных качествах их авторов. Все писатели представленных произведений, так или иначе, «родом» из тоталитаризма. Но Крон и Слепухин, однако, сумели выработать в себе противоядие: они вырвались из плена замкнутого пространства. Катализатором подобной трансформации послужила война. Для того чтобы выжить, требовалось думать. Их мыслительный процесс,

их побег из неволи затянулся на десятилетия. Но эти писатели, и тот, и другой, смогли вырваться и до сих пор помогают это сделать своим читателям. Авторам и их героям присуща вечная ценность свободы.

Что возможно сказать в заключении? Только нечто тривиальное... Та трансформация советского очеловеченного пространства, которая произошла в XX в., дает нам, сегодняшним, повод для робких последующих надежд. Человек способен оставаться человеком, какие бы искусственно созданные враждебные стены его не окружали.

Литература

1. Толстой А. Гадюка // Толстой А. Повести и рассказы. М., 1985. 336 с.
2. Головкина И. (Римская-Корсакова). Побезденные // Роман-газета. 1993. № 21–24. 224 с.
3. Тевекелян А. Александр Крон и его герои // URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_mein/publitsistika/55669.htm (дата обращения 17.10.2012).
4. Цит. по: Гордин Я. Между рабством и свободой: 19 января – 25 февраля 1730 года. СПб., 1994. 378 с.
5. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л., 1989. 527 с.
6. Гозман Л., Эткин А. От культа власти к власти людей // Нева. 1989. № 7. С. 156–179.
7. И. Андрушкевич – Д. Филипчуку. Письмо от 14 ноября 2012 г. // Личный архив Д.В. Филипчука.
8. Михайлов О. Литература «второй волны» // От Мережковского до Бродского. Литература русского зарубежья. М., 2001. С. 283–284.
9. Ершов М.Ф., Филипчук Д.В. Роман «Южный крест» Юрия Слепухина: в поисках свободы // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. Сб. статей и материалов. СПб., 2012. С. 364–371.

References

1. Tolstoj A. Gadjuka // Tolstoj A. Povesti i rasskazy. M., 1985. 336 s.
2. Golovkina I. (Rimskaja-Korsakova). Pobezhdjonnye // Roman-gazeta. 1993. № 21–24. 224 s.
3. Tevekeljan A. Aleksandr Kron i ego geroi // URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_mein/publitsistika/55669.htm (data obrashhenija 17.10.2012)
4. Cit. po: Gordin Ja. Mezhdju rabstvovom i svobodoj: 19 janvarja – 25 fevralja 1730 goda. SPb., 1994. 378 s.
5. Adamovich A., Granin D. Blokadnaja kniga. L., 1989. 527 s.
6. Gozman L., Jetkind A. Ot kul'ta vlasti k vlasti ljudej // Neva. 1989. № 7. S. 156–179.
7. I. Andrushkevich – D. Filipchuku. Pis'mo ot 14 nojabrja 2012 g. // Lichnyj arhiv D.V. Filipchuka.
8. Mihajlov O. Literatura «vtoroj volny» // Ot Merezhkovskogo do Brodskogo. Literatura Russkogo Zarubezh'ja. M., 2001. S. 283–284.
9. Ershov M.F., Filipchuk D.V. Roman «Juzhnyj krest» Jurija Slepuhina: v poiskah svobody // Jurij Slepuhin: NN vek. Sud'ba. Tvorchestvo. Sb. statej i materialov. SPb., 2012. S. 364–371.